

Олег БОРОДИН

Казалось, маленький пароходик с женским именем «Хельга», стоящий у причала небольшого датского городка Оденс, не выдержит того потока туристов, который хлынул на него, когда матрос открыл вход на борт. Проливной дождь подгонял людей: старичков и старушек из Германии — непременный атрибут всех туристических утех Европы, большую группу студентов-арабов, нескольких датчан и, наконец, семью Сергея Ивановича.

Но посадка осложнялась тем, что среди немцев оказались две старушки-инвалидки. Их снимали с кресел и, прикрывая зонтиками, переносили на борт судна. При этом студенты-арабы не очень охотно уступали им дорогу, создавалась дополнительная суета и, казалось, посадке не будет конца. Но когда всё-таки все желающие отправились на прогулку по морю разместились на верхней палубе под тентом и в каюте внизу, оказалось, что кораблик действительно перегружен и кому-то придётся покинуть его. Студенты этого делать явно не желали: они уже устроили на нижней палубе, в небольшом проходе, пляски под собственную музыку.

И гид, сопровождавший немцев, повёл свою группу на причал. Вновь поднимали на руки старушек-инвалидов, вновь раскрывались зонты. К стоящему в нескольких десятках метров автобусу потянулась цепочка пожилых людей. Они шли под проливным дождём, и Сергею Ивановичу стало как-то неуютно оттого, что вот он всё-таки остаётся на корабике, а эти пожилые люди вынуждены покинуть его.

Вокруг деловито сновали студенты-арабы. Они уже по-хозяйски обносились на верхней палубе, вытерев мокрые от косяго дождя скамейки и столы. Сергей Иванович

обратил внимание на то, что среди студентов есть и девушки, одетые в длинные тёмные и укутанные в платки так, что оставались видны только горбоносые, острокосые лица со сверкающими из-под этого вороха одежды тёмными глазами.

Наконец, всё упрямилось, последние немцы покинули маленький «ноев ковчег», как уже окрестил пароходик Сергей Иванович, за кормой вспенилась вода и «Хельга» оторвалась от причала. Сергей Иванович спустился с верхней палубы, где он вместе с дочерью переждал суету посадки, в небольшую кают-компанию, в которой разместились его жена. Женщина практичная, она предпочла более надёжное укрытие от дождя и ветра. Но Сергей Иванович уговорил её подняться наверх, тем более что дождь прекратился, а ветер постепенно стихал и в разрывах облаков проглянуло солнце.

Поднимаясь вслед за женой по трапу, Сергей Иванович вдруг встретился взглядом с одной из студенток. Она сидела на скамейке напротив входа на палубу, и невозможно было увернуться от её тёмных, в густых чёрных ресницах глаз. На ней был странный, будто сделанный из рыболовной сетки платок, весь усыпанный зелёными блёстками, и с первого взгляда казалось несочетаемой эта смуглая кожа и странная, какая-то ускользающая зелень платка. Всё это Сергей Иванович отметил почти ма-

шинально, и уже поворачивая вслед за женой, боковым зрением уловил улыбку молодого человека. Белизна зубов мелькнула на мгновение и исчезла в тёмном овале ярких губ.

Сергею Ивановичу было под шестьдесят, и за долгие годы жизни с женой он был хорошо выдрессирован для приличного поведения на улице. Жена нередко говорила про его друзей: «А этот-то, старый пёс, смотри-ка, на девочку ещё заглядывается!» И Сергей Иванович прекрасно понимал, что слова «старый пёс» больше всего относились именно к нему и произносились им скорее не в осуждение его друзей, а в целях профилактики для него. И хотя он не раз говорил, что главным достижением человеческой цивилизации является женская красота, в присутствии жены он старался эту тему не развивать.

Пароходик, сделав полукруг по гавани, вышел на простор залива. Чайки горланно криками приветствовали его появление на чистой воде, а навстречу в кильватере шли несколько яхт под немецкими, шведскими и финскими флагами. С бортов белоснежных красавиц экипажи приветствовали пассажиров пароходика, и Сергей Иванович с дочкой, стоя у борта, отвечали им тем же.

Неожиданно жена вспомнила, что забыла в кают-компанию зонтик и попросила принести его. Сергей Иванович обрадовался этому поручению:

ему захотелось вновь встретиться взглядом со студенткой-арабкой. Поднимаясь по трапу, он уже не отвёл глаз и почувствовал, что она тоже ждала этого мига и улыбнулась ему. Сергей Иванович мгновенно утонул в море нежности, которое излучали её глаза, нежности и радости, которые он никогда так явно не ощущал ни в одном женском взгляде. Какая-то внутренняя энергия исходила от этого взгляда и проникала в самое сердце. У неё был нежный овал лица и чуть даже вздёрнутый носик, и не будь она смуглой, её вполне можно было принять за жительницу среднерусской равнины. Но сочетание этой нежности овала со жгучим взглядом тёмных глаз, в которых таилась такая бездна, где душа человеческая в одно мгновение могла исчезнуть бесследно, делало лицо непередаваемо прекрасным.

Сергей Иванович улыбнулся в ответ и прошёл к жене и дочери. Они, слава Богу, любовались домиками на берегу залива, словно перенесёнными из сказок Андерсена в эти чудесные пейзажи. Сергей Иванович подставил лицо ветру и, вцепившись в поручни, долго стоял, боясь повернуть голову и выдать своё волнение. Он, конечно же, понимал, что ничего из этого обмена взглядами не выйдет, что всё это блажь «старого пса», но сердце учащённо билось, волнение не проходило и чувство новизны жизни переполняло всё его существо.

Краем глаза он увидел, как к «его студентке» подошёл молодой араб и попросил её выйти в проход между столиками для фотографирования. Девушка встала, и Сергей Иванович почувствовал под водопадом её одежд молодое сильное тело. Движения девушки были легки и изящны, она чуть поводила бедрами в такт волне, раскачивающей пароходик. Сергей Иванович уже не отрываясь смотрел на студентку — имел же он, в конце концов, право хотя бы просто рассматривать людей на палубе. Но храбрости его хватило на несколько секунд. Он заметил, что жена пристально глядится в него, и перевёл взгляд в сторону моря. Поручни по-прежнему служили ему надёжной опорой.

Да нет же, он, конечно, нежно относится к жене и дочери, конечно же, он понимает, что ничего не изменишь в этой жизни. Но... но...

Девушка не вернулась на прежнее место, а вместе с подружкой устроилась совсем близко от Сергея Ивановича: буквально в метре её головка в странном зелёном платке свесилась за борт, где бурлила и пенилась морская вода. Девушка словно сама искала возможности вновь встретиться с ним взглядом. И несколько мгновений они неотрывно смотрели в глаза друг другу, не улыбаясь. И эти несколько мгновений душа Сергея Ивановича находилась не на корабике. Она витала над серебристым, в лучах солнца морем, над красными крышами из черепиц и тёмными из соломы, над зелёными берегами, над всем этим разноцветным миром, таким чудесным, таким светлым, таким добрым.

А кораблик меж тем швартовался к очередному причалу, вокруг которого собралось множество медуз. Плотным слоем они покрывали всё водное пространство вокруг. Медузы словно специально собрались здесь в ожидании того момента, когда взбурлит под винтом вода и их обдаст свежим сильным течением, наполненным живительным кислородом. Медузы при этом могли попасть под винт и погибнуть, но радость встречи с бурлящей сильной живительной влагой была сильнее близости смерти.

Когда «Хельга» вновь оказалась на чистой воде, навстречу ей уже двигалась целая армада яхт: видимо, проходила очередная регата и парусники спешили к месту старта. Сергей Иванович в юности тоже увлекался парусом, а руки его и по сей день помнил врезавшиеся в ладони, мокрые от солёных брызг шкоты, через которые передавалась тугая сила парусов. Когда-то он тоже умел подчинять эту силу себе, и ему хотелось пересечь все моря и океаны. Где, на каком перекрёстке жизни он свернул с морских дорог, и почему решил, что дом и семья и есть смысл всей жизни? Почему перестал жить в сочетании романтики и прозы жизни, решив для себя, что они не сочетаемы? И есть ли смысл в том, что человек часто гасит в себе мечты,

заменяя их мёртвым мерцанием домашнего телевизора? При этом вечная забота о достойном существовании семьи поглощает все его силы. Все ли?! Или это только удобное оправдание бездействия? Сергей Иванович задавал эти вопросы себе и понимал, что лукавит сам с собой, ибо знал заранее на них ответы, но ответить на них прямо — означало признать, что, может быть, даже в самом главном перекрёстке жизни он дал слабину, «стравил шкоты» и отказался от чего-то очень важного и нужного, без чего жизнь теряет свою красоту и насыщенность.

Яхты и «Хельга» расходились на встречных курсах, в нескольких метрах друг от друга. И Сергей Иванович ясно видел, что бородастые шкиперы его возраста хорошо держат курс и уверенно идут к намеченной цели. Он махал им рукой, мысленно желая семи футов под килем.

...Пароходик вновь причаливал к стенке городка Оденс. Путешествие заканчивалось. Дочь с женой направились к выходу, а Сергей Иванович всё ещё стоял на верхней палубе. «Его девушка» вместе с другими студентами тоже вышла на пирс. Но он должен был ещё раз встретиться с нею взглядом. Он словно прожил в эти минуты какую-то новую жизнь, и не хотелось вот так, без завершающего аккорда, уходить из неё.

Но палуба окончательно опустела, и Сергей Иванович сошёл последним с пароходика. Жена с дочерью были уже за каменным парапетом. Там же стоял «икарус», из которого высаживались пенсионеры немцы, они дожидались-таки своей очереди.

Студенты стойкой собирались у своего автобуса. Сергей Иванович прошёл мимо их группы и, наконец, увидел её. Она о чём-то болтала с подружкой. Сергей Иванович сделал вид, что у него развязались шнурки, хотя туфли были без них, и поставил ногу на край тумбы с цветами. Что было делать! Так просто уйти он уже не мог. Жена и дочь махали ему руками с противоположной стороны улицы. Но девушка не смотрела в его сторону. Наконец, как будто спохватилась чего-то и начала оглядываться. Он знал, знал: она ищет его! Сергей Иванович выпрямился, и их взгляды вновь встретились. Вновь несколько мгновений они смотрели друг на друга, глаза в глаза. Он молча благодарил её за улыбку, за тот волшебный свет, который струился из её тёмных глаз, за то волнение, которое он сейчас испытывал и которого не испытывал уже много лет, за эту прожитую на корабике ещё одну жизнь. Он благодарил её и прошлся с нею. Их дороги сейчас разойдутся, чтобы уже больше никогда не сойтись. Наверное, она уедет в Копенгаген доучиваться, а он уже точно вернётся в Россию добывать свою прожитую судьбу.

Студенты пошли к автобусу, а Сергей Иванович перешёл улицу и присоединился к жене и дочери: у них сегодня впереди была ещё большая программа по осмотру достопримечательностей Оденса.

Александра ЮНКО

Пуговицы и подушечки

Александра ЮНКО — поэт, прозаик, переводчик, журналист. Родилась в Кишинёве в 1953 году. Закончила филологический факультет Кишинёвского государственного университета (МолдГУ). Работала в средней школе, Доме-музее А.С. Пушкина, в республиканских газетах и журналах. Ныне является обозревателем газеты «Независимая Молдова» и ведёт несколько постоянных рубрик в газете «Русское слово». Как литератор публикуется с 1968 года. Автор нескольких книг стихов, а также прозы.

Мама Шуры Гангурской красила волосы в рыжий цвет и пользовалась ярко-красной помадой. А папа был просто красавец, и моя подружка унаследовала от него чудные тёмные глаза и соболиные брови вразлёт. Зато мама работала в пуговичной артели и бракованную продукцию приносила домой. Пластмассовые уродцы ядовитых цветов служили нам игрушками и материалом для счёт.

До настоящего магазина на Павловской от наших дворов идти и идти. Ближайшая торговая точка, так называемая будка, находилась всего в двух коротких кварталах, на углу Тельмана и Олега Кошевого. Там можно было затариться хлебом, крупой, селёдкой, а на сдачу получить подушечки — квадратные кармашки с повидлом внутри. Без обёртки, серые, с прилипшими

хлебными крошками, они казались мне самыми лучшими на свете.

Как-то летом к нам приехали гости: мамин брат, его жена Нюся и мой двоюродный брат Валерка. Валерка задира нос, Нюся поджимала губы, а дядя Фёда очень хотел помочь моей маме, которая на сиротскую пенсию и крохотную зарплату одна поднимала двоих детей.

Дядя Фёда работал в Баку на судостроительном заводе и получал немаленькие деньги. Он был ещё красивее Шуркиного папы: рослый, широкоплечий, сдержанно благоухающий, ну, прямо министр в отставке, как шутила нана Маруся, моя весёлая крёстная.

В нашем скудном рационе появились даже колбаса. И другие вкусные вещи, о которых мы раньше слышали, но не пробовали. Сладкое было вообще под запретом. От него портятся зубы, твердила мама.

Напротив нашей школы, на Пуш-

кинской горке, в цокольном этаже жилого дома открылся новый магазин. Будка не шла с ним ни в какое сравнение. Здесь не было селёдок в бочке и хорошо пахло. В магазин меня привёл дядя Фёда и предложил: «Выбирай любые конфеты».

При виде многочисленных лотков, засыпанных блестящими фантиками, я растерялась и спросила: — У вас есть подушечки?

Продавицы, кокетливо поглядываящие на интересного мужчину, обидно засмеялись. Кустарными подушечками они не торговали. Я покраснела, разозлилась от унижения и исподлобья уставилась на лоточки. И, к счастью, на этот раз увидела знакомые разноцветные драже.

— Тогда дайте эти, — сказала я, — шарчики.

Продавицы расхохотались ещё громче. Драже стоили 11 копеек и были самыми дешёвыми в отделе. Тут покраснел уже дядя Фёда и велел

взвесить по сто граммов самых дорогих шоколадных конфет. Когда в большом бумажном пакете набрался целый килограмм, назвали цену, от которой по моей коже пробежал священный трепет. Но я твёрдо стояла на своём и потребовала добавить сто граммов «шариков». Дядя Фёде пришлось согласиться, правда, сделал он это без особого энтузиазма.

Вечером, за чаем, пока остальные лакомились шоколадными деликатесами, я принципиально грызла твердые, как камень, драже. Они действительно портили зубы, мама оказалась права.

Подушечки вскоре исчезли из продажи, вытесненные фабричными конфетами. Но я иногда вспоминаю их вкус, особенно во сне. Там мне всегда шесть лет, и папа ещё жив, и мы ещё пребываем в счастливом семейном раю.

Бесследно исчезла будка. Пропали тётки в белых наколках, торговавшие газированной водой по копейке за стакан (с сиропом — 3 копейки). Умер одогазый старик с Ильинского базара. Раз в месяц он ставил меня на большие напольные весы, двигал гирьками, ласково называл «здохнатура» и записывал мои хилые килограммы на бумажку, которую

нужно было отнести маме, в контору рынка. После каждой такой процедуры он давал мне 15 или 20 копеек — огромное богатство для ребёнка из нищей семьи. Долгое время я была уверена, что участвую в важном государственном деле и, когда на

улицах появились весы, даже возмущалась тем, что за услугу «взвешивание» требуют платить.

Нет мамы. Нет моей сестры Светы, обожавшей сладкое. Нет моей весёлой крёстной. Умерла тётя Нюся. Потом, в 90-е годы, во время беспорядков в Баку, погиб Валера. Дядя Фёда не вынес такого удара и угас в считанные дни.

И лишь в коробке со швейными принадлежностями время от времени мне встречается кособокая пластмассовая штука цвета вытритого глаза, которую и пуговичей не назовёшь. Но выбросить её не поднимается рука. Пускай себе лежит.